

«Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца». Литография Ж. Делабарта. 1797 год. Ниже. «Сцена в кабаке». И.-Я. Меттенлейтер. 1791 год.

Многочисленные литографии француза запечатлели дожарную Москву с ее размеренным бытом, а от немецкого художника не укрылась другая сторона московской жизни — с ее кабаками, где пьяное веселье нередко заканчивалось поножовщиной.

View of Moscow from the Balcony of the Kremlin Palace. Lithograph by Gérard de la Barth. 1797. Below. Scene in a Tavern. Johann Jacob Mettenleiter. 1791.

The Frenchman artist's lithographs recorded Moscow before the great fire with its measured existence, while his German colleague noted another side of Muscovite life — its taverns where drunken merrymaking quite often ended in bloodshed.

Имя Ваньки Каина стало нарицательным еще в XVIII веке. Любопытно, что он прославился не только беспримерными злодеяниями, убийствами, обманами, но и... литературной деятельностью. В какой-то момент, отбывая каторгу в Рогервике (ныне порт Палдиски, Эстония), он решил надиктовать одному из своих грамотных товарищей рифмованные воспоминания о своих головокружительных похождениях. Мемуары эти были такие же лихие, талантливые и нахальные, как и сам Ванька. Довольно быстро, переходя из рук в руки и будучи размножены пером любителей приключенческого чтива, записки эти разошлись по всей России, а в 1770 году были даже напечатаны, увековечив отчаянного мерзавца.

The name Vanka Cain had already become a byword before the eighteenth century was out. It is a curious fact that he was known not only for his unprecedented crimes, murders and betrayals, but also for ... his literary activities. At some point while serving a sentence of hard labour in Rogervik (now the port of Paldiski in Estonia) he decided to dictate to one of his literate fellows his rhyming reminiscences of his staggering adventures. Those memoirs were as audacious, gifted and shameless as Vanka himself. In a fairly brief space of time, passed from hand to hand and copied out by lovers of adventure stories, these writ-

В декабре 1741 года вор и разбойник Ванька Каин добровольно явился в московский Сыскной приказ и подал челобитную, в которой признавался, что он страшный грешник и, горько раскаиваясь в бесчисленных своих преступлениях, просит власти дать ему шанс «ко исправлению», а «во искупление» содеянных им злодейств готов выдать полиции всех своих товарищей. Затем в сопровождении отряда солдат он начал шастать по известным ему «малинам» и хватать преступников, которых полиция не могла поймать.

In December 1741 the thief and robber known as Vanka Cain voluntarily presented himself to the Office (prikaz) of Criminal Investigation and submitted a petition in which he confessed to being a terrible sinner and bitterly repented his countless crimes. He asked the authorities to give him a chance “of correction” and “to make amends” for his misdeeds, he declared himself willing to betray all his comrades to the police. Then, accompanied by a detachment of soldiers, he started to go around between hideouts that he knew and take criminals that the police were unable to catch.

The Moscow Wolf in Sheep's Clothing Vanka Cain

Евгений АНИСИМОВ/ by Yevgeny ANISIMOV

московский оборотень Ванька Каин

Биография Каина (в миру Ивана Осипова) начиналась вполне банально. Как крепостной крестьянин купца Филатьева он был привезен из Ростовского уезда в Москву к своему господину и определен в дворовые. Осипов пожил у хозяина несколько лет, а потом решил бежать. Но предоставим слово самому Ваньке: «Служил в Москве у гостя Петра Дмитриевича господина Филатьева, и что до услуг моих принадлежало, то с усердием должность мою отправлял, токмо вместо награждения и милостей несносные от него бои получал. Чего ради вздумал: встать поране и шагнуть со двора его подале. В одно время, видя его спящего, отважился тронуть в той спальне стоявшего ларца ево, из которого взял денег столько довольно, чтоб нести по силе моей было полно, а хотя прежде оного на одну только соль промышлял, а где увижу и мед, то пальчиком лизал [воровал по мелочи]... Висящее на стене платье ево на себя надел и из дому тот же час, не мешкав, пошел, а более затем торопился, чтоб от сна он не пробудился и не учинил бы за то мне зла... Вышед со двора, подписал на воротах: „Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай черт, а не я“».

Разумеется, нагруженного чужим добром Ваньку ждал сообщник — такие кражи не бывают результатом внезапного

порыва. Подговорил его и научил некто Петр Романов, в определенных кругах известный под кличкой «Камчатка» (возможно, он уже побывал на самой дальней в тогдашней России ссылке). Друзья скрылись в московских развалинах...

Москва середины XVIII века представляла собой печальное зрелище. В 1737 году она пережила страшную катастрофу, начавшуюся с дома отставного прапорщика Милославского. Его прислуга солдатская вдова Марья Михайлова 29 мая поставила перед иконой свечку и отвлеклась по какой-то надобности. Свечка упала, вспыхнул пожар, а сухая погода ему благоприятствовала. Город выгло почти полностью за несколько часов. Пожар, породивший горькую пословицу «Москва сгорела от копеечной свечки», унес несколько тысяч жизней. Развалины многие годы зарастали кустами, образовывали своеобразные дикие острова и архипелаги, где укрывались разные лихоимцы. Особенно опасны были для москвичей овраги. От их названий мурашки шли по коже: Греховный, Страшный, Бедовый...

Разбойные логовища в оврагах, развалинах, среди трущоб особенно населены были зимой, когда «братва» возвращалась с летней «работы» на больших дорогах и реках. Добытчиков встречали скуп-

«Ледяные горы в Москве на Неглинной улице во время масляной недели». Раскрашенная гравюра Ж. Делабарта. 1795 год. Излюбленной зимней забавой горожан было катание на салазках с ледяных гор. Каталная гора в Китай-городе, позади Мытного двора, долгое время носила имя «Каиновой» в честь знаменитого грабителя и душегуба.

Ice slides on Neglinnaya Street in Moscow during Shrovetide. Tinted engraving by Gérard de la Barth. 1795. Tobogganing down frozen hills was a favourite winter pastime with city-dwellers. The slide in the Kitai-gorod district, behind the Toll Yard, was known for a long time as "Cain's" in honour of the infamous robber and killer.

ings spread across the whole of Russia, and in 1770 they were even printed, immortalizing the villainous desperado.

The biography of Cain (whose original name was Ivan Osipov) began quite unremarkably. He was a serf peasant belonging to the merchant Filatyev and was brought from Rostov district to his master's home in Moscow to work as a household servant. Osipov stayed with his master for a few years and then decided to run away. But let Vanka tell his own story: "I served in Moscow with the merchant Piotr Dmitriyevich, Mister Filatyev, and as regards my services I performed my duties zealously, only instead of rewards and kindnesses I received from him unbearable beatings. Because of this I took it into my head to get up early and to get away from his household. On one occasion, seeing him asleep, I ventured to touch his coffer that stood in that bedroom and from it took as much money as I could comfortably carry, and, although before that I had only pilfered salt, and honey when I saw the chance, and filched a little... I put on his robe that was hanging on the wall and that very hour, without delay, I left the house and

made haste moreover lest he wake up and do me ill on that account."

Of course, an accomplice was waiting for Vanka as he emerged laden with his master's property — such thefts are not the result of sudden impulses. He was put up to it and instructed by a certain Piotr Romanov, better known in particular circles by his nickname — "Kamchatka" (perhaps he had already served a term of banishment in the remotest part of Russia). The friends hid themselves in the ruined buildings around the city.

In the middle years of the eighteenth century Moscow was a sorry sight. In 1737 it had suffered a terrible disaster. The city was almost completely consumed by fire in a matter of hours. The conflagration cost thousands of lives. For many years afterwards the city was dotted with ruins overgrown with bushes, forming sort of savage islands and archipelagos in which miscreants of all kinds took refuge. The robbers' dens in the gullies and ruins or among the slums were especially packed in the winter when members of the criminal fraternity returned from their "summer jobs" on the

Побывавший в Москве в 1778 году англичанин Уильям Кокс писал: «Некоторые кварталы этого огромного города кажутся совершенно пустырями, иные — густо населены, одни походят на бедные деревушки, другие имеют вид богатой столицы».

The Englishman William Coxe, who visited Moscow in 1778, wrote: "Some quarters of this immense city seem utterly deserted, others densely populated. Some resemble poor villages, others have the look of a rich capital."

«Поющие слепцы». Акварель И. Ерменева. Начало 1770-х годов. «И Лазаря поют слепцы, Сбирая медными грошами Дань с сострадательных зевак...» (И. Никитин)

Blind Singers. Watercolour by Ivan Yermenev. Early 1770s. "And blind men sing Lazarus Collecting copper coins In tribute from compassionate onlookers." (Ivan Nikitin)

«Уличная сцена во второй половине XVIII века». Раскрашенный офорт Х.-Г. Гейслера. 1790-е годы. Городские власти сквозь пальцы визирали на запрещенные кулачные бои.

Street Scene in the Second Half of the Eighteenth Century. Tinted etching by Christian Gottfried Heinrich Geissler. 1790s. The municipal authorities turned a blind eye to breaches of the ban on prize fighting.

«Сельский праздник». И. Тонков. 1790-е годы. Веселиться и гулять всегда умели и любили на Руси...

Rural Festivities. I. Tonkov. 1790s. People always enjoyed making merry in Russia and knew how to do it.

«Нищий и нищая». Начало 1790-х годов.

Особое почтение, которым испокон веков на Руси пользовались «калики перехожие», приводило к постоянному росту профессиональных нищих.

A Beggar Couple. Early 1790s.

The special reverence reserved in Russia from time immemorial for cripples travelling from one religious centre to another led to a constant increase in professional beggars.

Обряд посвящения Каина в воровское общество прошел под сводами Большого Каменного моста, пользовавшегося у москвичей дурной славой. «Девятая клетка» – арка моста на левом берегу – служила пристанищем для «лихих людей». Судя по делам Сысского приказа, свои жертвы они просто бросали в реку, откуда и пошло выражение «концы в воду».

щики награбленного, «боевые подруги» – содержательницы притонов, проститутки, воровки – и портнихи, перелицовщицы краденого. Вот на это московское дно и опустился, вслед за Камчаткой, Ванька. Он так описывал в мемуарах свое приобщение к воровскому миру: «И пошли мы под Каменный мост, где воришкам был погост, кои требовали от меня денег (так называемые влазные. – Е. А.), но я, хотя и отговаривался, однако дал им двадцать копеек, на которые принесли вина, потом напоили и меня. Выпивши, говорили: „Пол да серед сами съели, печь да полати в наем отдаем, а идущему по сему мосту тихую милостыню подаем [грабим] и ты будешь, брат, нашему сукну епанча (то есть своим. – Е. А.), поживи в нашем доме, в котором всего довольно: наготы и босоты извешены шесты, а голоду и холоду амбары стоят. Пыль да копать, притом нечего и лопать“. Погодя немного, они на черную работу пошли».

Досидев до рассвета в одиночестве, Каин решил осмотреться, вышел из убежища и – вот незадача! – сразу же налетел на филатьевского дворового, который сгреб парня и поволок к барину. Разъяренный купец избил Ваньку, требовал вернуть деньги и вещи, но Каин молчал. Тогда его посадили в холодную на заднем дворе. Одна дворовая девка тайком

кормила Ваньку – надо отдать проходимцу должное: женщины ему симпатизировали всегда. Она-то и рассказала Ваньке, что дворовые Филатьева в драке убили караульного солдата и бросили в старый колодец. Ванька воспрянул, завопил: «Слово и дело!» – клич доносчиков. Его доставили в Стукалов приказ – тайную полицию, он показал на Филатьева в преступлении – сокрытии убийства государева человека. Донос подтвердился, и Ванька в награду за «доведенный» (доказанный) извет вышел на свободу, держа в руке «для житья вольное письмо».

Почти сразу же Каин встретился с другом Камчаткой, и ближайшей ночью они двинулись на дело – обокрали придворного портного Рекса. Днем их ловкий сообщник незаметно проник в дом и спрятался под кроватью, а когда все уснуло в надежно запертом доме, парень впустил в дом сотоварищей.

Идея «засады» принадлежала Ваньке. Вообще он сразу же стал выделяться из московского воря изобретательностью, тонким знанием психологии, умел импровизировать. Как-то задумала банда Ваньки ограбить богатый купеческий дом, да к нему не подступиться: высокий забор, дворники, ночные сторожа, а главное – неясно, где же хозяева добро держат! Каин решает задачку гениально просто: покупает курицу, перебрасывает

«Вид Каменного моста и его окружений в Москве с деревянного мостика, что у Водовзводной башни». Гравюра Г. Лори с оригинала Ж. Делабарта. Начало 1780-х годов.

View of the Stone Bridge in Moscow and Its Surroundings from the Small Wooden Bridge by the Water Tower. Engraving by Gabriel Lory from an original by Gérard de la Barth. Early 1780s.

87

Cain's ritual initiation into the criminal fraternity took place beneath the arches of the Great Stone Bridge that had a bad reputation among Muscovites. The "ninth cell", as the arch on the left bank was known, served as a refuge for "wicked people". Judging by the records of the Office of Criminal Investigation, they simply tossed their victims into the river.

highways and waterways. It was down into this Moscow underworld that Vanka followed Kamchatka. But soon the lad bumped into one of Filatyev's house-serfs in the street. He grabbed him and dragged him back to his master. The infuriated merchant beat Vanka, demanding the return of his money and possessions, but Cain kept mum. Then he was locked in the cold store in the backyard. One of the maids secretly brought Vanka food – to give the rascal his due, he could always gain the sympathy of women. The girl also told Vanka that Filatyev's serfs had killed a soldier of the watch in a fight and thrown the body down an old well. Vanka cheered up and shouted out "Word and deed!" – the cry used by informers. He was heard and taken to the office of the secret police, where he accused Filatyev of concealing the murder of a state official. His account proved true and as a reward he was released, clutching in his hand a document freeing him from serfdom.

Almost at once Cain met up with his friend Kamchatka and the next night they went out on a job – burgling Rex, the court

tailor. In the daytime their crafty young accomplice got into the house unnoticed and hid under a bed. Then, when everyone had fallen asleep in a safely locked-up house, the boy let his companions in.

This "waiting game" had been Vanka's idea. In general he immediately distinguished himself among the Moscow underworld for his inventiveness and his subtle grasp of human psychology. He was also able to improvise. One night Cain and his gang were returning home with the loot after a successful outing when they found themselves the object of a hue and cry so persistent that they were forced to throw their spoils into a muddy puddle in the middle of Moscow and, relieved of their burdens, take to their heels and scatter. Another seemingly impossible task – to recover the valuables by daylight, in a busy place. But not for Vanka! He stole a carriage, installed his "moll" in it dressed up as a lady of quality and set off for the centre of the old capital with his comrades. Passers-by witnessed a scene in no way unusual in the muddy streets of Moscow: a carriage that had lost a wheel and was leaning over in the middle of

ее через забор и идет к воротам, требуя вернуть его собственность. Вместе с дворниками он долго и безуспешно ловит увертливую птицу, высматривая все, что нужно. А ночью казенка — кладовая добра — оказывается непостижимым образом ограблена!

В другой раз ночью за Каином и его людьми, шедшими с трофеями после успешного «дела», увязалась погоня, да такая назойливая, что пришлось бросить украденное в грязную лужу посреди Москвы и налегке улепетывать в разные стороны. Опять, казалось бы, неразрешимая задача — вытащить ценности днем, прилюдно, невозможно. Но не тут-то было! Ванька угоняет карету, сажает в нее переодетой барыней свою «боевую подругу» и с сообщниками едет в центр столицы. И вот прохожие уже видят обычную для грязных московских улиц картину: посреди лужи стоит накренившаяся карета с отвалившимся колесом, барыня из окошка на чем свет стоит ругает слуг, которые копаются в грязи и все никак не могут поставить назад колесо, бездельники! А тем временем ворованные пожитки потихоньку уложили в карету, надели колесо — и были таковы. Подобным хитростям Ваньки несть числа.

Над многими проделками Каина можно от души посмеяться — так оригинальны, озорны они были. Но случались и

«Пашков дом в Москве». Гравюра с оригинала Ж. Де-лабарта. Конец XVIII века.

Ежедневные прогулки по городу в роскошных каретах, стоимость которых была сопоставима с ценой целых имений, стали характерной чертой быта русской знати в середине XVIII века. Ловкач Каин использовал этот барский обычай для своих преступных затей.

Фрагмент картины Ф. Алексеева «Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве». 1811 год.

До появления городских в 60-х годах XIX века за общественным порядком на московских улицах следили будочники, или, в просторечье, «хожалые».

The Pashkov House in Moscow. Engraving from an original by Gérard de la Barth. Late 18th century.

Daily outings in sumptuous carriages, the cost of which was comparable with the price of entire estates, became a typical feature of the lives of the Russian elite in the mid-1750s. Cunning Cain exploited this aristocratic habit for his own criminal ends.

A detail from Fiodor Alexeyev's painting *View of the Resurrection and St Nicholas Gates with the Neglinny Bridge from Tver Street in Moscow*. 1811.

Until the appearance of policemen in the 1860s the maintenance of public order on Moscow's streets was the responsibility of watchmen.

Преступный мир московских трущоб постоянно пополнялся беглыми крестьянами. Только с 1719 по 1742 год в розыске в Российской империи их числилось более полу-миллиона.

The criminal populace of the Moscow slums constantly received fresh blood in the form of runaway serfs. Between 1719 and 1742 alone more than half a million of them were being sought in the Russian Empire.

a puddle; its mistress sticking her head out of the window to rain curses on her hopeless servants who were digging in the mud and having no end of difficulty getting the wheel back in its place. Meanwhile the stolen goods were gradually loaded into the carriage, then the wheel slipped back on and they were gone. Vanka had an endless supply of such cunning moves.

Many of Cain's escapades do indeed raise a hearty laugh — they were such wickedly inventive pranks. But he was also capable of quite revolting behaviour. One Sunday, for example, he dressed himself up as the rich son of a minor official and approached a carriage standing by the market, in which a young maiden sat alone. After strolling around the stalls for a time, she was now sitting and waiting for her mother and father. The villain told her that her parents had gone to his parents' house to drink tea and that he had been sent to bring the daughter to join them. The attractive young lady believed the dashing young man's words. She was escorted to Vanka Cain's lodgings and there she was raped.

Co-operation and solidarity among

Колодники. Офорт Х.-Г. Гейслера. 1805 год.
Вплоть до начала XIX века наряду с кандалами на Руси использовались тяжелые деревянные оковы, надевавшиеся на шею, руки или ноги осужденных преступников.

Prisoners. Etching by Christian Gottfried Heinrich Geissler. 1805.
Right up to the early nineteenth century, as well as iron shackles, heavy wooden blocks were sometimes fastened around the neck, arms or legs of convicted criminals in Russia.

«Ах, матки мои, вор пришел ко мне во двор...». Русский народный лубок. Раскрашенная гравюра на меди. XVIII век.

“O my goodness, a thief has got into my yard...” A Russian popular print (lubok). Tinted copperplate engraving. 18th century.

Искусный и изобретательный грабитель, Ванька любил «работать» так красиво, что об отваге и удалстве вора в народе складывали легенды и песни.

Vanka was a skillful and inventive criminal who liked to “pull off a job” so neatly that the common people made up legends and songs about the thief’s courage and daring.

мошенничества отвратительные. Как-то в воскресный день он переоделся богатым подьяческим сыном и подошел к стоявшей у базара коляске, в которой сидела девица, что «в торговых рядах уж нагулялася, отца-мать тут, сидя, дожидалася». Проходимец сказал ей, что родители ее якобы зашли к его родителям в гости, пьют чай и что, мол, ему, добру молодцу, поручили девицу в застолье привести. «Красна девица в обман далась, повели ее на мытный двор, на квартиру к Ваньке Каину», да там и изнасиловали.

Воровская кооперация, солидарность играли в преступной жизни Каина и его сообщников большую роль. Как-то раз, выданный скупщицей краденого, Каин «загремел» в тюрьму, и перед ним открылась перспектива, как тогда говорили, «охотиться на соболей». Спас его верный друг и учитель. «Прислал ко мне, — вспоминает Каин, — Камчатка старуху, которая, пришед в тюрьму ко мне, говорила: „У Ивана в лавке по два гроша лапти“ [„Нет ли возможности бежать?“]. Я ей сказал: „Чай примечай, куды чайки летят“ [„Подбираю время для побега вслед за бежавшим ранее товарищем“]». А перед очередным престольным праздником в тюрьму пришел «добрый самаритянин» (Камчатка) с милостыней для «несчастеньких», каждому дал по калачу, а Ваньке — два и тихонько сказал при этом: «Триока

калач ела, стромык сверлюк страктирила» [«В калаче ключ от твоей цепи»].

А далее все развивалось, как в приключенческом фильме: «Погодя малое время, послал я драгуна [охранника] купить товару из безумного ряду [вина из кабака], как оной купил и я выпил для смелости красовулю, пошел в нужник [заклоченных выводили на цепи, при этом охранник оставался снаружи. — Е. А.), в котором поднял доску, отомкнул цепной замок и из того заходу ушел. Хотя погоня за мной и была, токмо за случившимся тогда кулачным боем (традиционное развлечение народа на праздник. — Е. А.) от той погоня я спасся; прибежал в татарский табун, где усмотрел татарского мурзу, который в то время в своей кибитке крепко спал, а в головах у него подголовков (сундучок с деньгами. — Е. А.) стоял. Я привязал того татарина ногу к стоящей при ево кибитке на аркане лошади, ударил ту лошадь колом, которая оного татарина потащила во всю прыть, а я, схватя тот подголовков, который был полон монет, сказал: „Неужели татарских денег на Руси брать не будут?“, пришел к товарищам своим и говорил: „На одной неделе четверга четыре, а деревенский месяц с неделей десять“ [„Везде погоня, пора сматывать удочки“]».

Все это происходило во время традиционных «гастролей» банды по городам

thieves played an important role in the criminal life of Cain and his confederates. On one occasion Cain was betrayed by a female “fence” and found himself in prison with the unpleasant prospect of “going sable hunting”, as the cant of the day put it. He was saved by his loyal friend and mentor: “Kamchatka sent an old woman to me,” Cain recalled. “She came to the prison and said to me, ‘At Ivan’s shop bast shoes are two half-kopecs each’ [‘Is there any chance of making an escape?’]. I replied, ‘I think I’ll note where the gulls are flying’ [‘I’ll choose a moment for escape following a comrade who escaped earlier.’]” Then before the next church festival a “good Samaritan” (Kamchatka) came to the prison with alms for the “unfortunates”. He handed each of them a loaf of bread, and gave Vanka two, quietly saying another coded phrase that meant that the key to Cain’s chain had been baked into one of the loaves.

The events that followed were like something out of an adventure film: “Waiting a little time I sent the turnkey to buy wine from the tavern. When he came back with it, I drank the red stuff for courage then went

to the privy [the prisoners were taken to the outhouse still on their chains; the guard would remain outside — author] in which I lifted a plank, undid the lock on the chain and left by that route.”

Vanka chose a smart team. He and his mates never stayed around long anywhere. They stole and robbed, then quickly moved to a new place where they were not known. The best spot of all for criminals was the Nizhny Novgorod fair: lots of people, a crowded crush, drunken merchants — what more could a thief or robber desire? And suddenly the hardened criminal decided to follow the path of virtue and to betray hundreds of his former comrades to boot. What prompted him to do it? Whatever it was, he did indeed make a confession and offer to collaborate with the authorities. The first report, dated 28 December 1741, about the beginning of the round-up of Cain’s confederates has survived. As the scribe recorded, “He, Cain, pointed out a cave near the Moskva River gate and said that the villain and runaway drayman Alexei Solovyev was in that cave, and in that cave the said Solovyev was taken. From his pocket they

«Подновинское гулянье». Гравюра с оригинала Ж. Делабарта. 1790-е годы.

На масляной и пасхальной неделях у стен Новинского монастыря выстраивались торговые палатки, временные «ресторации», карусели и качели. Праздничная суতোлка была раздольем для всякого рода мошенников.

Merrymaking by the Novinsky Monastery. Engraving from an original by Gérard de la Barth. 1790s.

At Shrovetide and during Easter week market stalls, temporary eating places, merry-go-rounds and swings were set up by the walls of this monastery. The festive hubbub provided the ideal environment for tricksters of all sorts.

и ярмаркам. Компания Ваньке подобралась бедовая — даже по «кликухам» это понять можно: Каин, Камчатка, Кувай, Легаст, Жузла. Друзья нигде не задерживались, крали, грабили и быстро переезжали на новое место, где их еще не знали. Лучше всего было вору на Нижегородской ярмарке: народу много, толчея, купчихи пьяненькие — а что еще надо вору и грабителю? И вдруг закоренелый уголовник решил вступить на стезю добродетели, да еще и сдать несколько сотен своих сотоварищей.

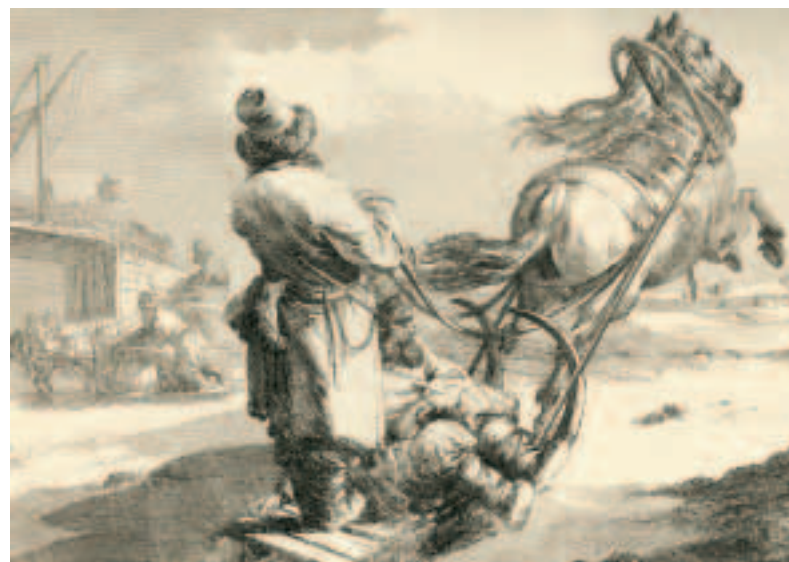
Известна старинная арестантская песня, которую якобы сочинил Ванька сидя в тюрьме:

*Мне-да ни пить-да, ни есть,
добру молодцу, не хочется,
Мне сахарная, сладкая ества,
братцы-да, на ум нейдет-да,
Мне Московское сильное царство,
братцы-да, с ума нейдет...*

Песня эта на первый взгляд передает душевную настрой знаменитого вора, который устал бегать от «Московского сильного царства» и задумал заключить с ним взаимовыгодное соглашение. С чего бы это? Но как бы то ни было, он явился «с повинкой» и предложить властям сотрудничество. Сохранился первый отчет за 28 декабря 1741 года о начале облавы на соратников Каина. Как свидетельствует протоколист, «он же, Каин, близ Мос-

*Не крестись, купец-лавочник, —
Нет на нас креста медного.
Не бойсь, мужик-лапотник, —
Что с тебя возьмешь, бедного?!
Мы царя пошлем к лешему,
Мы бояр побьем коляями.
Наплевать, что мы грешные,
Да зато на век вольные.*

Старинная разбойничья песня

«Возвращение с рынка». Гравюра Ж.-Б. Лепренса. 1760-е годы. Продав свой товар, крестьяне лихо погоняют лошадей, стремясь успеть домой засветло, чтобы не встретить на ночной дороге такое «лихо», как Ванька Каин «со товарищи».

*Don't cross yourself,
merchant or trader — against us
the cross nothing can do.
Fear not, peasant bast-shoewearer
— there's naught to take from
the poor like you.
We shall send the Tsar to the devil.
We shall kill the boyars with pikes.
We care not a jot for our sins.
For we are free for ever.*

Old robber song

«Гуляка со штофом вина». Литография Барбье. 1824 год. Испокон веков повелось, что «веселие на Руси есть питье». По расчетам 1740 года, на каждого москвича (включая женщин и детей) потреблялось до 32 литров алкоголя в год.

Reveller with a Carafe of Wine.
Lithograph by Barbier. 1824.

Throughout the ages enjoying oneself in Russia has been associated with drinking. Calculations made in 1740 indicated that every Muscovite (women and children included) consumed up to 32 litres of alcohol a year.

кворецких ворот, указал пещеру [пещеру] и сказал, что в той пещере мошенник беглый извозчик Соловьев Алексей, и в той пещере оного Соловьева взяли, у него же взяли из кармана доношение, в котором написано рукою ево, что он знает многих мошенников и при том написан оным мошенникам реестр». Иначе говоря, Каин с солдатами влезли в «пещеру» в тот самый момент, когда Соловьев заканчивал список «товарищей» для сдачи их полиции. Выскажу догадку, что Каин не случайно начал облаву с Соловьева, а, зная о его намерениях, решил опередить — в реестре Каина Соловьев был отмечен одним из первых...

Примечательно, что Соловьев был графоманом. В руки следствия попал уникальный в истории русской уголовщины документ — дневник преступлений. По нему видно, что Соловьев по своей «главной профессии» был баннным вором: «В понедельник — взято в Всевысочайшей бане ввечеру 7 гривен, в четверг — рубаха тафтяная, штаны нижегородские, камзол китайчатый, крест серебряной. На Каменном мосту 16 алтын; в субботу — штаны, денег 1 рубль 20 копеек. В воскресенье — 1 рубль» и т. д.

Конечно, Каин не стал просто осведомителем полиции и не только носился с солдатами за мелким жульем (в его улове, как догадывается читатель, была в основ-

ном «рыбешка» вроде Соловьева). Нет! Ванька развернулся вовсю: нанял на Зарядье дом, ставший местом, куда приводили пойманных воров, где их дальнейшую судьбу решал сам Каин: отпустить или сдать в полицию. Сюда заходили чиновники Сысского приказа, доносчики, просители, вообще нужные люди. Тут же шла большая карточная игра, толпились разные подозрительный люд. Словом, недалеко от Кремля открылось уникальное частное сысское бюро, а уж если говорить прямо — настоящая легальная «малина» большой банды воров, грабителей и убийц.

Ванька покался только для виду. Он стал настоящим оборотнем. Как несколько лет позднее записано в его деле, «доноситель Иван Каин под видом искоренения таких злодеев чинил в Москве многие воровства и разбои, и многие грабительства». Каин окружил себя не только преступниками, но и богатыми клиентами. Он охотно обслуживал высокопоставленных персон, у которых случались несчастья — дом обворовали, родственника ограбили, слуга бежал. Полиция разводила руками, а Ванька действовал. Через свою «службу» на барахолках он быстро находил украденное и с триумфом (конечно, небескорыстно) возвращал вещи и ценности хозяину. И так это нравилось почтенным

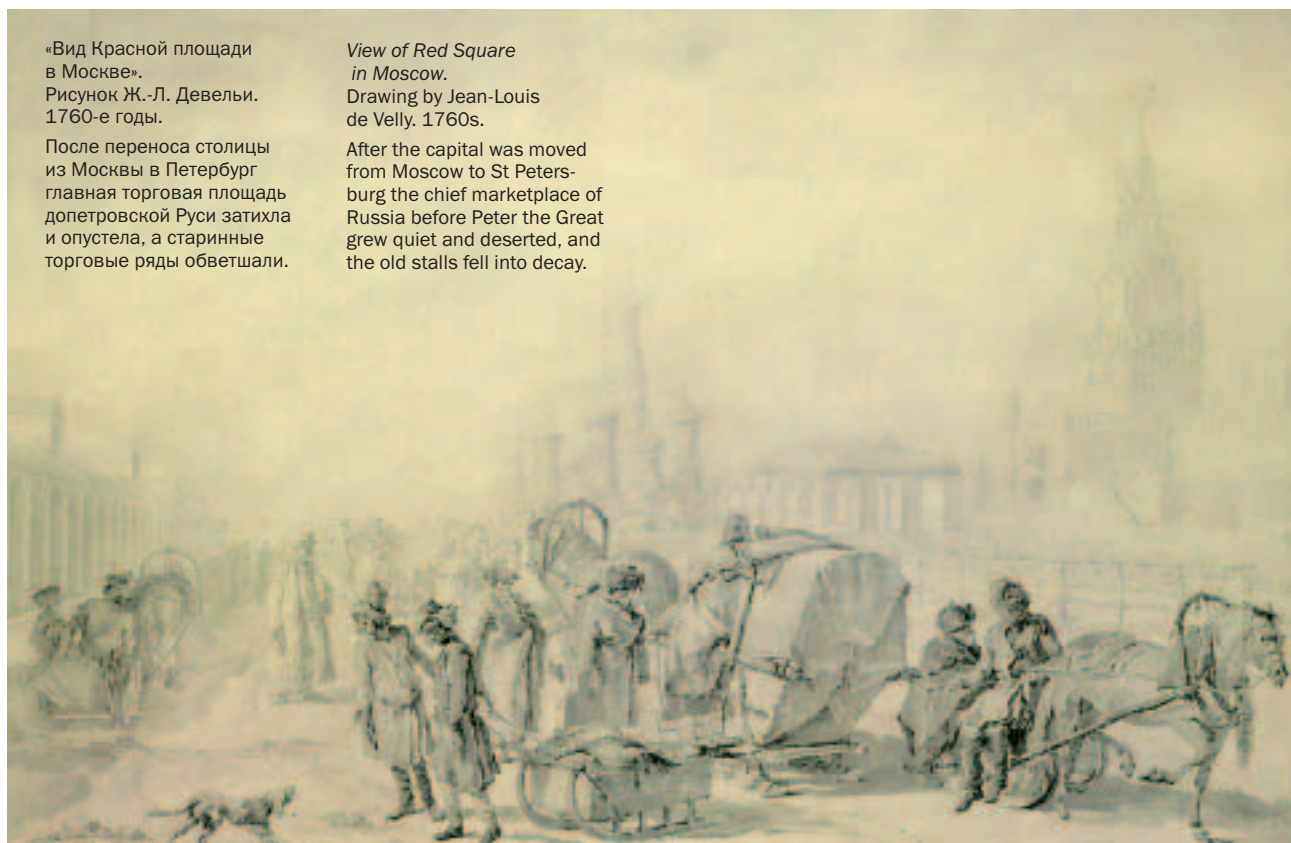
Returning from Market. Drawing by Jean-Baptiste le Prince. 1760s. Having sold their wares, peasants would drive their horses hard in order to get home before nightfall and avoid an encounter on the road in the dark with the likes of Vanka Cain and his gang.

«Вид Красной площади в Москве». Рисунок Ж.-Л. Девельи. 1760-е годы.

После переноса столицы из Москвы в Петербург главная торговая площадь допетровской Руси затихла и опустела, а старинные торговые ряды обветшали.

View of Red Square in Moscow. Drawing by Jean-Louis de Velly. 1760s.

After the capital was moved from Moscow to St Petersburg the chief marketplace of Russia before Peter the Great grew quiet and deserted, and the old stalls fell into decay.

took a report, in which is written in his hand that he knows many rogues, and with it a register of villains written by him.” In other words, Cain and the soldiers entered the cave just as Solovyev was finishing a list of “professional colleagues” in order to betray them to the authorities. It is my guess that Cain quite deliberately began the round-up with Solovyev, knowing of his intentions and deciding to forestall him. In Cain’s own catalogue of villains, Solovyev was near the head of the list.

Solovyev evidently suffered from graphomania. The investigators came into possession of a document quite exceptional in Russian criminal history — a diary of crimes. The diary shows that Solovyev’s particular speciality was stealing from bathhouses: “On Monday taken from the All Saints bathhouse in the evening 70 kopecks; on Thursday a taffeta shirt, Nizhny Novgorod breeches, a nankeen camisole, a silver cross. On the Stone Bridge 16 altyns [3-kopeck pieces]; on Saturday — breeches, money 1 rouble 20 kopecks. On Sunday — 1 rouble,” and so on.

Of course Cain did not simply become a police informer and did more than just

chase after petty criminals with soldiers (his prey consisted, as the reader will have guessed, chiefly of “small fry” like Solovyev). Not at all! Vanka expanded his activities in every way he could. He leased a house in Zariadye (close to Red Square) that became the place to which captured thieves were brought so that Cain might personally decide their fate: let them go or hand them over to the police. The house was visited by official state investigators, informers, petitioners and simply “useful people”. A big card game was regularly going on there and various suspicious characters hanging around. In other words, not far from the Kremlin he opened a unique private detective bureau and, to call a spade a spade, a legalized safe house for a large band of thieves, robbers and murderers.

Vanka only feigned repentance. He became a real wolf in sheep’s clothing. As was written in his dossier a few years later, “under the pretence of eradicating such malefactors the informer Ivan Cain committed in Moscow many thefts and robberies and many burglaries.” Cain surrounded himself not only with criminals

but also with rich clients. He was happy to be of service to highly placed personages, who had suffered some misfortune — a burglary, a relative robbed, a runaway servant. The police threw up their arms, but Vanka acted. Through his “agents” at the second-hand markets he rapidly found the stolen items and triumphantly (and, of course, profitably) returned the goods and valuables to their owner. And the venerable elite of Moscow were so pleased that in 1744 the Senate awarded Cain a letter of protection that called upon all authorities and private individuals “not to cause Cain harm in the catching of malefactors and not to slander him without cause.”

Cain became completely invulnerable and became for five years the real king of criminal Moscow! For the look of things he caught petty thieves, while collecting tribute from the major ones. He offered “protection” to merchants and craftsmen, sometimes punishing them for obstinacy or blackmailing them when he discovered the shameful secret of how they made their fortune. Black-market craftsmen and smugglers adored him — he was their shep-

москвичам, что в 1744 году Каин получил охранную грамоту от Сената, которая предписывала всем властям и частным лицам «Каину в поимке злодеев обид не чинить и напрасно на него не клеветать».

Каин стал неуязвим для всех и на пять лет превратился в настоящего короля преступной Москвы! Для «отчетности» он ловил мелких воришек, с крупных брал дань, давал «крышу» купцам и ремесленникам, порой наказывал их за строптивость или, узнав постыдные тайны их обогащения, шантажировал. Подпольные ремесленники и контрабандисты души в нем не чаяли — он был их покровитель и пастырь. Конкурентов «своих» предпринимателей он безжалостно сдавал полиции или сам «мочил». Постепенно вокруг него образовалась «старая гвардия» головорезов — людей проверенных и верных: Шинкарка, Баран, Чижик, Монах, Волк, Туля — всего человек сорок. С ними да с отрядом солдат Ванька совершал «торговые инспекции» по Москве — проверял, не обвешивают ли солью бедный народ (и находил, что действительно обвешивают!), хватал торговцев запрещенным товаром и воришек в рядах. Когда он уставал от дневной «законной деятельности», то выходил ночью с кистенем «руку правую потешить», совершал налеты, грабил, убивал,

«Торговые инспекции» по наводке Каина всегда приносили результаты: он как никто другой знал уловки нечистых на руку торговцев.

“Inspection raids” at Cain’s suggestion always brought results: he knew better than any other the tricks that dishonest tradesmen got up to.

«Гостинный двор в Москве». Ж. Делабарт. Конец XVIII века. Gostiny Dvor in Moscow. Gérard de la Barth. Late 18th century.

брал заложников и волок их к себе в Зарядье, где поутру ждал родственников с выкупом.

Денег у Каина было довольно, и часто он шел на «дело», движимый страстью авантюриста, который испытывает удовольствие от опасности и скучает без риска. Вот он, переодевшись гвардейским офицером, является в монастырь, чтобы с помощью подложного царского указа освободить монашку, влюбленную в некоего юношу. После весьма опасных романтических приключений Каин вручает монашку ее поклоннику и при этом шутит: «Ежели и впредь в другой старице будет тебе нужда, то я служить буду». Деньги за работу — 150 рублей — «романтик с большой дороги» все-таки взял: не лишние! Любил Каин и «пошутить». Мог завезти зимой в чисто поле приказчика, раздеть его и пустить без штанов, как зайца. Мог обмазать дегтем надерзившего ему подьячего или забить в кандалы караульного солдата вместо освобожденного преступника. Словом, любил Каин, по широте своей русской души, «учудить» нечто такое, от чего вся Москва ахала от изумления.

Но пришло время Ваньке и остепениться. Приглянулась ему соседская вдова Арина Иванова. Ванька посватался к ней, да получил отказ: она хорошо знала, что за «субчик» ее сосед. Но тот своего

добился. Арину оговорили люди Каина — якобы она фальшивомонетчица, женщину бросили в тюрьму и поволокли в пыточную — допрашивать «с пристрастием» о том, чего она не делала. В последний момент Арине шепнули: или на дыбу пойдешь, или за Ваньку. Делать нечего — несчастная согласилась быть Каиновой женой.

Живя в тяжких грехах, Ванька понимал, что ему грозит опасность разоблачения, и он делал все, чтобы избежать эшафота. Из дела Каина видно, что он дружил с сильными мира сего — чиновниками Сысканого приказа, полиции, Сената. Дружба была взаимная: он платил им деньгами и услугами, они его всячески покрывали. Позже Каин показал, что «за то, чтоб ево остерегали, даривал им и многократно в домах у них бывал и, как между приятелей обыкновенно, пивал у них чай и с некоторыми в карты игрывал». Дарил он чиновникам и конфискованные у воров вещи, которые раскладывал (для удобства выбора) на столе в судейской комнате, так сказать, прямо на алтаре правосудия, посредине которого стояло зеркало Петра Великого с законами империи! Ну а доставить другу чиновнику девицу посмазливей, фунт хорошего чая или табакерку дорогую — дело обычное.

Концу предшествовал некий сигнал

herd and protector. He mercilessly “shopped” the competitors of “his” entrepreneurs to the police or “dealt” with them himself. Gradually an “old guard” of thugs formed around him — men who were loyal and tested: Shinkarka, Baran, Chizhik, Monakh, Volk, Tulya — some forty in all. Together with a detachment of soldiers, they accompanied Vanka on his “inspection raids” around Moscow — checking whether the poor were being given short weight of salt (they really were!), seizing those trading in forbidden goods and minor marketplace thieves. When he tired of his “legitimate” daytime activities, he went out at night with a cudgel “to amuse his right hand”, raiding and robbing, murdering and kidnapping — bringing his hostages back to his HQ in Zariadye, where he awaited their relatives with the ransom in the morning.

Cain was wealthy enough, yet he often went on a “job” like a lover of extreme sports, who gets a kick out of danger and is bored without risk. He disguised himself as a guards officer, for example, and presented himself at a convent in order to obtain,

«Праздество свадебного договора». С картины М. Шибанова. 1777 год.

Свою свадьбу Каин превратил в воровскую сходку. Отловленным на улицах «гостям» молодые подносили тарелки с сухим горохом, так что те были вынуждены откупаться от несъедобного угощения.

Celebrating a Marriage Contract. From a painting by Mikhail Shibanov. 1777.

Cain turned his own wedding into a gathering of thieves. “Guests” dragged in from the streets were offered plates of dried peas by the newly-weds and were obliged to pay a forfeit instead of eating the inedible “treat.”

«Крестьяне и торговец пирогами». И.-Я. Меттенлейтер. 1780-е годы. Торговый люд Ваньку боялся и уважал: Каин мог пособить в устранении конкурентов.

Peasants and a Pie-Seller. Johann Jacob Mettenleiter. 1780s.

Tradesmen feared and respected Vanka: Cain could help to rid them of competitors.

using a forged decree from the Empress, the release of a nun beloved by a certain youth. After some highly perilous romantic adventures, Cain handed the lady over to her suitor, jokingly remarking, “If in future you feel the need for another old nun, I shall be of service.” His charge for the work was 150 roubles — for all the “sporting interest”, he did not forget to collect. Vanka was also fond of a “joke”. He might take a steward out into the open countryside in winter, strip him and send him running off like a hare without his pants. He might tar a minor official who had been insolent to him or put a soldier of the guard in irons in place of a released criminal. In brief, Cain with his generous Russian soul loved to come up with something that would set the whole of Moscow on its ear.

But the time came for Vanka to settle down. A widow living nearby, Arina Ivanova, caught his eye. Vanka wooed her, but she turned him down: the widow was well aware of what her neighbour was. Still he got his way. Cain’s people slandered Arina, claiming she was a counterfeiter. The woman was thrown into prison and taken to the torture

chamber to be interrogated about crimes she had not committed. At the last moment someone whispered in Arina’s ear, “It’s either the rack or marriage to Vanka.” The unfortunate woman had no choice and agreed to be Cain’s wife.

Living such a sinful existence, Vanka was aware that he was in danger of exposure and he did all he could to avoid the scaffold. From Cain’s dossier it is evident that he made friends with the powerful — functionaries from the Office of Investigation, the police and the Senate. The friendship was mutual: he paid them in money and services; they protected him in every possible way. Later Cain testified that “in order that they look after him, he made them presents and many times visited their houses and, as is customary among friends, drank tea in their homes and played cards with some.” He also presented civil servants with the goods confiscated from thieves, spreading them out (for ease of selection) on a table in the courtroom, right on the altar of justice, so to speak, in the middle of which stood Peter the Great’s zertsalo — the three-sided stand car-

судьбы. Вот запись в журнале приказа от 8 августа 1748 года: «Ходил он, Каин, для поиска и поимки воров и мошенников и на мосту попался ему мошенник Петр Камчатка, которого взяв, Каин привел в Сыскной приказ». Камчатку пытали, били кнутом и сослали навечно на рудники. Конечно, Камчатка симпатий не вызывает, но все-таки история предательства старого друга, который не раз спасал самого Ваньку от петли и кнута, выразительна.

Каин в своем падении опустился до самого дна. Как часто бывает, все началось с женщины, точнее, 15-летней солдатской дочери, которую Каин «для непотребного дела сманил», а потом, как ненужную тряпку, выбросил. Так бы и забылся этот случай — один из десятков преступлений Каина, если бы не отец девочки, солдат Федор Тарасов. Он дошел до самого генерал-полицмейстера Москвы Татищева. Тот, наслышанный о проделках Каина, начал следствие, да не в полиции, а в тогдашней ФСБ — Тайной канцелярии. Ванька пытался оговорить свидетелей, тогда Татищев посадил его в своем доме в сырой погреб на хлеб и воду. Каин, не привыкший к такому «суровству», испугался, взмолился о пощаде и стал давать показания, от которых на голове генерал-полицмейстера волосы дыбом встали. Он тотчас доложил обо всем

в Петербург императрице Елизавете Петровне, откуда нагрянула комиссия — пошли аресты, допросы, дело закрутилось. Между тем руководство Сыскного приказа, на котором «подрабатывал» Каин, во что бы то ни стало хотело заполучить мерзавца себе. Чем могло закончиться для Ваньки это расследование, объяснять не надо. Но Татищев оказался человеком порядочным и умным — Ваньку он не отдал, а караулы приказал удвоить...

Дело тянулось долго. Только в 1755 году Каина приговорили к смерти, но так как при Елизавете никого не казнили, то Каину «навели красоту»: вырвали ноздри, выжгли на лбу «В», на левой щеке «О», а на правой «Р» и, заклепав в кандалы, отправили «в тяжкую работу» на каторгу в Рогервик, где он и надиктовал свои мемуары. Но, видимо, и на каторге Каин неплохо устроился. Как писал служивший в Рогервике конвойный офицер Болотов, те из преступников, кто имел деньги, дикий камень не ломали и в порт его не таскали, а жили припеваючи в выгороженных в казарме каморках.

И все же Ванька Каин сгинул где-то в Сибири. А какова судьба его высокопоставленных покровителей? Никто из них на каторгу не попал: кто был уволен, кто переведен в другую канцелярию, кто отделался испугом... ■

«Красная площадь в Москве». Ф. Гильфердинг. 1780-е годы.
Со времен царя Алексея Михайловича до постройки Оружейной палаты при Александре I на Красной площади против лавок стояли пушки. Самый разгульный кабак, находившийся поблизости, назывался «Под пушками».
Red Square in Moscow. Friedrich Hilferding. 1780s.
From the time of Tsar Alexei Mikhailovich until the building of the Armoury Chamber under Alexander I, cannon stood on Red Square across from the stalls. The most disorderly tavern, situated nearby, was called "Under the Cannon".

При поимке беглых холопов их в кандалах и под стражей возвращали хозяевам.
When caught runaway serfs were clapped in irons and sent back to their masters under escort.

Есть разные версии, почему А. Д. Татищев исходатайствовал создание комиссии по делу Каина: то ли Ванька написал на своего начальника донос, то ли прилюдно ему нагрубил.

There are different versions as to why Tatishchev requested a commission to investigate Cain's activities. Some say that he wrote a denunciation of the head of police; others that he publicly insulted him.

proved a decent, intelligent man — he did not hand Vanka over and gave orders to double his guard.

The investigation was prolonged. It was not until 1755 that Vanka was condemned to death. Since in Elizabeth's reign no-one was executed, however, Cain was "made beautiful" — his nostrils slit, the letters V-O-R (spelling the Russian word for "thief") branded on his forehead, left and right cheeks, clapped in irons and sent off to do hard labour at Rogervik, which is where he dictated his memoirs. But even in penal servitude Cain seems to have done quite well for himself. Bolotov, one of the officers of the guard serving at Rogervik, wrote that those convicts who had money did not break stone or drag it to the port, but lived a life of ease in little dens partitioned off from the barracks.

Yet Vanka Cain did finally meet his end somewhere in Siberia. And what fate befell his highly-placed protectors? None of them were sentenced to penal servitude: some were dismissed, some transferred to a different department, and some got off with a fright. ■

За два года «сыскной» деятельности в Москве Ванька со своей командой поймал 109 мошенников, 37 воров, 50 укрывателей воров («становщиков»), 60 скупщиков краденого и 42 беглых солдата.

In two years of "thief-taking" in Moscow, Vanka and his team caught 109 swindlers, 37 thieves, 50 keepers of criminal hideouts, 60 receivers of stolen goods and 42 deserters from the army.

«Сквозь строй шпицрутенов». Офорт Х.-Г. Гейслера. 1805 год.
Изувечивающие телесные наказания в России — рвание ноздрей и клеймение — в 1817 году были отменены. Болезненные же наказания — такие, как шпицрутены, широко применялись еще полвека.

Running the Gauntlet. Etching by Christian Gottfried Heinrich Geissler. 1805.
Disfiguring corporal punishments — branding and nostril-slitting — were abolished in 1817. Merely painful procedures, like running the gauntlet, were extensively used for another half century.